

Глава 4. Обмен

Обменный брак — дело серьёзное; сама его возможность взбудоражила обоих братьев.

Лу Ян больше не хотел жить по-прежнему.

Не хотел с рассвета до ночи батрачить и выслуживаться, прислуживая всем до самой темноты.

Живёшь под одной крышей — и каждый может тобой помыкать. Он даже в отхожем месте боялся присесть подольше.

Такой жизни он больше не хотел.

Лу Лю тоже не хотел и дальше терпеть издевательства.

Не хотел каждый день жить в страхе, что кто-то ворвётся к нему в дом.

Не хотел больше жизни, где у него воруют кур, вымогают яйца и нарочно лезут в его дела; не хотел, чтобы снова чьи-то палочки тянулись в его миску.

Такой жизни он больше не хотел.

В их взглядах появилась твёрдость.

Значит, меняют браки.

Зимой женятся многие. У обоих братьев свадьбы были назначены до Нового года, а благоприятных дат перед ним оставалось всего несколько. Обе семьи хотели сыграть свадьбу поскорее и выбрали один день — двадцатое число одиннадцатого лунного месяца. То есть уже двадцатое этого месяца, послезавтра.

Меняться нужно сегодня, иначе шанса может не быть.

Лу Ян встал, взял брата за руку и повёл глубже в боковой переулок; выйдя из него в жилой квартал, они нашли один дом и попросили одолжить комнату: одежда намочена, нужно переодеться.

Менять надо было всё, от нижнего до верхнего.

Из новой одежды у Лу Лю была только тёплая куртка, остальное — поношенное.

Сегодня базарный день, много ходьбы, тело быстро разогревается, потому оделся он легко: под верхней одеждой, кроме нательной рубахи, ничего.

На простой рубахе всё же были затейливые детали: тесёмки в форме ивовых листьев — заострённые на концах, с округлой серединой, по краю аккуратная закрепляющая обмётка, вышивка ровная и крепкая.

Смотреть на брата ему было неловко, переодевался он, повернувшись к Лу Яну спиной. Но Лу Яну брат был любопытен, а раз любопытно — он смотрел: хотел понять, чем, кроме лица, они похожи.

От его взгляда Лу Лю залился краской. Снял куртку, вздрогнул от холода, и пальцы так задрожали, что он не сумел развязать тесёмки и снять последний слой одежды.

Он попросил Лу Яна не смотреть:

— Да у всех по две руки и две ноги, что тут особенного!

Земли у семьи Лу было мало, да ещё нужно было оставлять кого-то дома. Лу Лю ходил в поле по очереди с отцом, тяжёлой работой не занимался; хоть и худощавый, кожа у него оставалась белой и нежной. В этом он был похож на Лу Яна: Лу Ян жил в уезде, дома и в мастерской его всегда ждали дела, под палящим солнцем он бывал редко, потому тоже оставался светлокожим.

Лу Ян был куда свободнее. Одним движением распахнул рубаху, показывая брату ширину своей груди.

— Чего стесняешься? Ты смотришь на меня, я — на тебя. Всё равно что в зеркало глядеть.

В зеркале так чётко не увидишь.

Только у чистой воды, в отражении, и заметишь, как трудно их различить.

Было холодно. Увидев, что брат уже полностью переоделся, Лу Лю тоже перестал мяться, быстро разделся догола и натянул одежду брата.

На ткани ещё оставались чужое тепло и запах тела.

Разница в характерах снова дала о себе знать: Лу Ян не стеснялся даже принюхаться, а Лу Лю только торопился одеться; увидев это, он послушно объяснил:

— Я часто моюсь, от меня не пахнет потом... просто сегодня много ходил и сильно вспотел...

Лу Ян глянул на него — до того уж честный — и снова заколебался насчёт обменного брака.

Ли Фэн — человек жёсткий, не из уступчивых, да и матушка Ли с крутым нравом. Как такому мягкому, безответному брату жить потом в семье Ли?

Но разве семья Се — лучшее место?

С этой мыслью Лу Ян наконец перестал дразнить брата и сосредоточенно переоделся.

Одежда у Лу Яна была получше. Старина Чэнь любил пускать пыль в глаза, хотел поднять цену выкупа за супруга и не скупился: сшил Лу Яну два новых комплекта. Вата тонкая, зато снаружи выглядит прилично.

Лу Ян расправил складки на одежде брата, похлопал его по плечу и сказал:

— Вижу, тот парень привёз много товара, наверняка ещё не всё распродал. Я отведу тебя к нему, познакомитесь, поговорите.

Если не подойдёт — ещё можно передумать.

Лу Лю покачал головой.

— Не может же всё хорошее доставаться мне одному? Я просто не хочу, чтобы чужие меня обижали. Дома... если надо уступить — уступлю. У меня и своего мнения почти нет.

Ещё он переживал, что родственники семьи Се попросту сожрут брата заживо.

Те не смеют трогать мать и сына Се Яня, зато новый супруг в доме — живой громоотвод.

Лу Ян тоже покачал головой.

— Не бойся. Другие боятся мерзких родственничков, а я — нет. Твой брат и есть самый отпетый из них. Кто сунется — сам в убытке останется. Пока в доме решаю я, никто меня не обдерёт.

Больше всего он боялся остаться без пути к отступлению.

Но брат сказал: Се Янь тоже ждёт решения. У него есть способности удержаться на месте.

Снова повисло молчание.

Лу Ян подумал, протянул руки и обнял брата.

Даже для него такая близость была впервые.

Руки-то он протянул, положил ладони на спину Лу Лю, но всё тело оставалось деревянным.

Лу Лю удивился, но размяк быстрее Лу Яна: напряжение слетело с него вмиг, и он крепко обнял брата, с которым только сегодня встретился вновь.

После объятий братья осмотрели друг друга и в конце поменялись головными украшениями.

Оба носили даосский узел, только один закалывал его деревянной шпилькой, а другой перевязывал коричневой лентой. Поменявшись, они вышли.

Лу Эр-бао обещал ждать Лу Лю на прежнем месте. Лавка была приметная — за поворотом от места их встречи.

Сначала Лу Ян отвёл брата к телеге с мулом, где надо было ждать Старину Чэня, и по дороге наспех рассказал ему о семье Чэнь.

Семья Чэнь покинула деревню больше десяти лет назад. В памяти Лу Яна деревенской жизни почти не осталось; подолгу он тут не жил, друзей не завёл — в этом смысле всё проще.

— Дома будь покладистее: что скажут — делай, и не ошибёшься. Но остерегайся младшего, он больше всех любил меня донимать. Не бойся — ругай его сразу, хочешь, даже бей. До свадьбы рукой подать, Старина Чэнь не станет потакать его выходкам.

На остальных в деревне можно не обращать внимания.

За пару дней что о ком узнаешь? Можно отмахнуться.

Лу Лю тоже рассказал Лу Яну о доме.

Открыл рот — и понял, как сухо это звучит.

В семье Лу всё было до ужаса скучно: два молчаливых отца, кучка воришек, да соседи с собачьим нюхом.

— Они знают, что я обручён с Учёным Се, и в последнее время поутихли. Говорят, боятся: вдруг я потом поднимусь.

Лу Ян кивал, но в душе понимал: это всё ложь.

Стоит только вернуться сегодня с базара — и кто-нибудь снова явится искать ссоры.

Раз базар — значит, при деньгах. Свадьба близко, отец с сыном из семьи Лу непременно что-то купят. Что не унесут — то хотя бы руками потрогают.

Но вслух он лишь с улыбкой согласился.

Если те не перегнут палку, он стерпит. В семье Чэнь он и не так жил — ничего страшного.

Лу Ян тронул ткань, закрывавшую ему лицо, подхватил корзину с яйцами, вытянул шею, глянул вперёд, увидел, что Ли Фэн всё ещё у прилавка, и показал Лу Лю дорогу.

Ли Фэна узнать было легко: мужчины из деревни Ли и так все рослые, а он даже среди них возвышался, как журавль над стаей. На прилавке ещё оставалось немного тофу, а чуть позади стояла телега с мулом.

Лу Лю в последний раз взглянул на брата и пошёл к Ли Фэну.

Он и сам не понимал, как дошёл: будто вся его храбрость собралась в ногах, и, добравшись до цели, выполнила долг — после чего колени сразу подкосились.

Он остановился перед лавкой Ли Фэна, не зная, что делать.

Ли Фэн приподнял бровь, не понимая, зачем тот пришёл.

— Твой отец ещё не вернулся.

— А... — откликнулся Лу Лю и так и остался стоять у прилавка.

Он нервничал и ляпнул первое, что пришло в голову:

— Я просто посмотрю.

Сказал «просто посмотрю» — и уставился на Ли Фэна во все глаза.

Ли Фэн:

— ...На меня смотреть пришёл?

Опять хочет устроить склоку?

Ли Фэн насторожился, присматриваясь к Лу Лю, и, заметив покрасневшие, будто после слёз глаза, нахмурился.

Только что у него тут выпендривался, вышел прогуляться — и вернулся в слезах? И это всё, на что его хватило?

— Не загораживай мне торговлю. Хочешь смотреть — встань в другом месте, — сказал Ли Фэн.

Лу Лю и рад бы.

У Ли Фэна много дичи, перед прилавком всегда покупатели. Пока они перекинулись парой фраз, он уже успел поторговаться с клиентом.

Но у Лу Лю подкашивались ноги, и хоть телега была рядом, дойти до неё он не мог.

— Я тебе почти не мешаю. Дай постоять немного.

По натуре Лу Лю и говорил мягко-упрямо: вроде капризничает, а силы в этом нет.

Кто захочет поиздеваться — только посмеётся.

Ли Фэн издеваться не собирался; выслушал и насторожился ещё сильнее.

Решил не отвечать — и просто громко зазывал:

— Тофу! Свежий тофу!

Он ведь уже весь тофу выкупил — для кого теперь так старается?

Лу Лю моргнул и подумал, что Ли Фэн, кажется, не плохой человек.

Наверное, храбрость сегодня вырвалась на волю: он вдруг осмелел и сказал:

— Я идти не могу... можешь меня поддержать?

Убери последние три слова — прозвучало бы как приказ, и Ли Фэн бы рассердился.

С ними же оставалось место для просьбы, и Ли Фэн задумался.

Он по-прежнему считал, что у Лу Яна недобрые намерения, но он, мужчина в полный рост, неужто при людях испугается какого-то гээра?

Он взял тряпку, энергично вытер и потер ладони, швырнул её обратно на прилавок, обошёл доски и подошёл поддержать Лу Яна.

Ладонь у него огромная — одна, как вся рука Лу Лю до плеча. Рядом с ним Лу Лю выглядел цыплёнком.

Лу Лю вдруг даже восхитился братом.

Это ж какая смелость нужна — спорить с таким мужчиной.

Ли Фэн благополучно усадил его на телегу. Видя, что тот сидит смирно, не скандалит и не язвит, он испытал странное чувство — в общем, остался доволен.

Едва устроившись, Лу Лю сразу проявил характер, совсем не похожий на братский.

Даже сидел он сдержанно и послушно: ноги свесил с края платформы вместе, руки сложил на коленях.

Ли Фэну надо было торговать; окинув его взглядом, он вернулся к прилавку.

И этим взглядом заметил след подошвы на носке его обуви.

След был глубокий — наступили с силой, да ещё и специально провернули.

Кто это сделал?

Ли Фэн не знал.

Он разделал баранину и распродал всё по весу; видя, что Старина Чэнь всё не возвращается, снова оглянулся.

Лу Лю уже сидел иначе: забрался на платформу целиком, обнял колени руками и сжался в маленький комочек.

Ли Фэн был опытным охотником. В прочем он не разобрался, но одно понял: парень из семьи Лу похож на зверька, наступившего в капкан.

Ни вперёд, ни назад — только сидеть внутри и ждать, когда его разделают. Жалко до боли.

Ли Фэн подумал: как-никак это его ещё не введённый в дом супруг; если у него на глазах его обижают — что это за дело?

Он снова вытер руки, достал из лежавшего на земле свёртка бамбуковую трубку.

Трубка была заткнута деревянной пробкой. Он вынул пробку и протянул трубку Лу Лю.

Лу Лю задумался о своём и от неожиданности вздрогнул; широко распахнул круглые абрикосовые глаза — влажные, блестящие, совсем как у добычи.

Как у оленёнка.

Ли Фэн не стал долго думать и снова протянул трубку.

Лу Лю взял её, увидел внутри до краёв набитые полоски вяленого мяса и растерялся.

Ли Фэн велел есть, потом спросил:

— Кто тебе на ногу наступил?

Лу Лю поджал ногу.

На нём была короткая куртка, ватные штаны едва доходили до щиколотки и носок ботинка не закрывали.

Ли Фэн был в контрах с Лу Яном, но силой выбивать признание не собирался.

По его мнению, Лу Ян и сам достаточно зубастый, чтобы постоять за себя.

— Не хочешь говорить — не надо.

Но Лу Лю ухватил его за рукав.

Редко кто хотел за него вступиться — такой шанс надо держать.

— Мой отец наступил!

Та надежда в его глазах не давала Ли Фэну просто отвернуться.

Вот только этого человека Ли Фэн тронуть не мог.

Ли Фэн смотрел на Лу Лю.

Лу Лю смотрел на Ли Фэна.

В глазах Ли Фэна всё глубже становилось недоумение.

В глазах Лу Лю — всё гуще надежда.

Наконец Ли Фэн уточнил:

— Ты издеваешься?

Увидев это, Лу Лю уже не посмел просить, чтобы Ли Фэн за него вступился.

Но ему стало обидно.

Почему на него рычат?

— Ты же сам спросил... я просто сказал правду...

Ли Фэн подавился словами.

Ладно.

Гээры, похоже, самые нелогичные люди на свете.

В маленьком закутке неподалёку Лу Ян всё это время наблюдал за ними. Увидев, что Ли Фэн и поддержал брата, и дал ему поесть, он с тяжестью выдохнул; опустил голову, пересчитал яйца в корзине, подхватил её и, громко выкрикивая «Яйца! Свежие яйца!», пошёл на восток.

Услышав крик торговца, Лу Лю повернул голову в ту сторону. Сидя на телеге, он смотрел ниже уровня толпы и не мог разглядеть, но голос брата узнал сразу.

Брат всё это время смотрел на него и ушёл, только когда убедился, что всё в порядке.

У Лу Лю защипало в глазах, подступили слёзы.

Ли Фэн не понял причины и решил, что это его две фразы довели парня до слёз; тут же схватился за голову.

— Ладно, потом тоже наступлю твоему отцу на ногу.

Сказано было твёрдо — как уведомление, не как вопрос.

Лу Лю повернулся к нему, и окончательно убедился: этот мужчина не злой.

Он сквозь слёзы улыбнулся:

— Тогда я хочу смотреть.

Хочешь — смотри.

Ли Фэн подумал: неужто я стал бы делать это тайком?

<http://bllate.org/book/16991/1581121>